

Возможны варианты

О романе М. Харита «Рыбари и виноградари»

Жизнь становится все виртуальней и виртуальней. По степени виртуальности она вплотную приблизилась к временам создания Апокалипсиса, а может, и к более ранним волшебным сказкам. Электроника оказалась сродни магии, а магия сродни электронике. Мироздание как компьютерная игра сегодня уже запоздалая новость в науке.

Литература с удовольствием обживает новую нишу для игры разума. Игра в бисер приобрела электронную телесность, и писатели спешат за уже уходящим поездом квантового компьютера. А кстати, так ли совершенен этот еще толком и не созданный компьютер? Боюсь, что ему весьма далеко до писательского мозга.

Роман-диалогия Михаила Харита «Рыбари и виноградари» — новый вариант Апокалипсиса современности. Место действия: Россия, Франция, Италия, Англия, США, Ближний Восток, далее весь мир и, возможно, вся вселенная. Время действия: начало веков, Средневековье, наши дни. И вечность.

Перед читателем огромная, я бы сказал энциклопедическая, панорама человеческой цивилизации. И это естественно — ведь речь идёт о глобальных, даже космических процессах, в которых читателю предлагают поучаствовать.

Хотите отправиться в плавание на древнеримской галере, управляемой детьми-подростками и плывущей неизвестно за чем и неизвестно куда, — милости просим.

А может, желаете отгородиться от мира в замке барона в дружеской компании богини, ведьмы, парочки магов из недр спецслужб и разного рода бестелесных существ? Почему бы и нет. Ведь это так увлекательно — попытаться отговорить

богиню от запланированного конца света. Заодно почему бы не предъявить ей претензии — где гарантированные запчасты для сотворенного ею человека?

Самое удивительное в романе — писательская достоверность. Вы можете воспринять это как галантную светскую игру, а можете поверить всерьез, что ваша собеседница богиня, или ведьма, или изощренная космопролайзерша, программирующая конец мира.

Достоверность — это, безусловно, отличительная особенность романа. Сразу чувствуется научная логика, огромная эрудиция, умение сопоставить невероятные факты, спрессовать их и выстроить гипотезу, теорию и даже учение. Это не удивительно: автор — доктор наук, профессор, археолог, путешественник и исследователь религий. Михаил Харит легко затягивает читателя в выстроенный им парадоксальный, виртуальный, но весьма убедительный мир.

Что есть апокалипсис? Простая перезагрузка не очень-то удавшейся игры. А кто знает, есть ли у этой игры пульт управления?

Все мы программисты, каждый — программист в этом космическом процессе.

В том числе и папа Бенедикт XVI, похваливший себя с балкона за святость перед внезапно озверевшей толпой. Озверевшей в прямом смысле, как на картинах Босха.

Вот один из них превратился в ежа в чепчике. А в психиатрической лечебнице в Риме появился вежливый пациент, считающий себя путешественником, прибывшим в царство мертвых.

Нет, не буду превращаться в плагиатчика-пересказчика авторского сюжета. Мне просто доставляет удовольствие купаться в интеллектуальной игре романа «Рыбари и виноградари». Игре захватывающей, разноплановой, ироничной и по-своему безжалостной. Так и подмывает предложить свой вариант, еще не выловленный автором.

Целиком и полностью разделяю с писателем признаки конца света. Разве это не полная перезагрузка: мусорные свалки в Лувре и в Эрмитаже, которые следует теперь именовать артефактами? А звуки пилорамы на концертах в консерватории и солисты, визжащие как недорезанные хрюшки и кабаны? А предложе-

ние отказаться от своего пола или выбрать пол по усмотрению? А ковид-19, к моменту написания романа еще не подоспевший, но предсказанный автором и как бы уже спешащий навстречу?

Вообще писатели — люди весьма опасные. Предскажут не-весть что, а нам с этим жить.

Так и в данном случае: перед нами весьма достоверный (и увлекательный) вариант утопии-антиутопии первых двух десятилетий 21-го века. Кстати, в финале все-таки торжествует жизнь и рождается спаситель-младенец или младенец-спаситель. И это даёт надежду: у развития цивилизации возможны варианты...

Апокалипсис был всегда. Он, к сожалению, вечен. И младенец-спаситель всегда рождался. И женская ипостась София — Премудрость Божия не просто выдумка автора. Символисты наши с нею общались, как Александр Блок с Любовью Менделеевой, а Андрей Белый с Асей Тургеневой.

Людям свойственно думать, что живут они в переломную эпоху. Учебники истории пестрят великими переломами. Кажется, вся человеческая история — сплошной, нескончаемый перелом. В лучшем случае переход. Переход тоже не сахар, но по крайней мере лучше, чем перелом.

Но есть книги, где речь идет о прямом конце света. Кроме Апокалипсиса, есть ведь еще Содом и Гоморра. У Платона великая Атлантида, погрузившаяся на дно Атлантического океана.

А разве не конец света «Чумной город» Вильсона, превращенный Пушкиным в «Пир во время чумы»?

Теперь, когда компьютерные игры захватили умы детей, подростков и многих, многих взрослых, появился сладкий соблазн перезагрузки. Перефразируем Маяковского: книгу перезагрузив, намотай себе на ус. Книгу в электронном варианте перезагрузить легко. Историю перезагружают каждые десять лет. Новая хронология с легкостью превращает Христа в Василия Великого, а Ивана Грозного в Чингисхана. Но все чаще писатели приступают к перезагрузке жизни литературных героев. У Гончарова в романе есть учитель гимназии, который мысленно живет в Античности. А Гёте заставил Фауста влюбиться в Маргариту, которая во второй части превратится в Елену Прекрасную.

Литературные симулякры постмодернизма живут одновременно и в Древнем Риме, и в современном Марселе.

Самое время задуматься, а не является ли любой вариант истории всего лишь фактом одной человеческой биографии?

Высунув язык от напряжения, изучают в школе некий серый бесцветный вариант событий, который на самом деле существует лишь в мозгу автора учебника. Какой-то одной единственно верной истории не существует. И здесь я совершенно согласен с Михаилом Харитом. Приведу цитату из романа:

«У каждого народа есть тысячи рассказов о чудесах, которые сыплются как из мешка, только тронь. Часть этих историй забраковали, оставив те, которым договорились верить. В разные эпохи вера кардинально менялась. Долгое время женщина не считалась человеком, а беременность возникала от простуды. И это всех устраивало. Так что мы живём в «договорной» реальности, оформленной в виде свода наук, морали и правил. Одним из параграфов такого соглашения является «историческая правда».

Ещё есть варианты субъективного представления о том, что когда-то возможно было. Чаще всего это — чья-то выдумка, легенда, миф, предание и в конечном варианте компьютерная игра. Если игра талантлива, как роман «Рыбари и виноградары» Михаила Харита, то читатель с удовольствием в ней участвует. И тогда апокалипсис или конец света становится фактом биографии. Ведь никто из смертных от своего апокалипсиса никуда не уйдёт.

Наша личная гибель рано или поздно станет либо приложением к общему апокалипсису, либо его страницей.

В традиционном тексте конец света превращается в «vita nova» — новую жизнь. Ну а нам приятнее, чтобы сразу после конца света началась наша сегодняшняя и непременно личная жизнь.

Раньше говорили — магия. Теперь — компьютерная игра. И в том и в другом случае последнее слово остается за Словом, и меня это очень радует! Тем более если это Слово — умное и меткое, как в случае с романом «Рыбари и виноградары».

*Константин Кедров,
критик, поэт, философ, доктор философских наук, профессор
Литературного института им. А.М. Горького*

Рыбари и виноградари

В начале перемен

Все события и персонажи являются выдумкой автора.

Любые совпадения следует считать случайными.

Автор предостерегает читателей от попыток проверить даты, имена и события, упомянутые в книге, — слишком много невероятных совпадений случается в жизни. Так много, что задумываешься: может быть, мы что-то упустили в самой сути мироустройства? И живём неведомо где, непонятно для чего, а вокруг всё такое странное...

— Скажи мне, мудрец, что такое жизнь?

— Жизнь — это игра.

— Почему?

— Ну, не игра.

Так что не заморачивайтесь и даже не думайте об этом...

Кто мирозданье создал, показав,
Что замысел Творца не знал изъяна,
Кто воплотил в планетах мудрость плана,
Добро одних над злом других подняв.
Франческо Петрарка. Сонет IV

Сам Он даровал мне неложное познание
сущего, чтобы познать устройство
мира и действие стихий, начало, конец
и середину времён, смены, повороты
и перемены времён...
*Библия. Премудрость Соломона, гл. 7,
стих 17–18*

Краткое содержание первой книги

В начале, а это было давным-давно, сотворил Бог небо и Землю. Что привело к следующей логической цепочке: в райском саду появился мужчина и, естественно, к нему зашла женщина. Похулиганили, как водится, и обоих выгнали взащей. Потом попытались утопить, но было поздно. Человечество уверенно обживало планету, превращая её в свалку мусора.

Терпение Многогерпеливого иссякло, о чём была сделана утечка информации через доверенных пророков. Красочный Конец Света был назначен на 2013 год. Вы спросите, чем этот год отличался от других? Да ничем. Наболело!

Но некий барон Вальмонт (а для своих дедушка Анри), полагавший себя ответственным за вверенную ему планету, решил предотвратить катастрофу. Почему Анри так решил? Отвечу честно. Не знаю.

В итоге группе из четырех суперагентов, которым было всё равно чем заняться (ведь платили повременно), поручили побороться с апокалипсисом. Предприятие имело слабую надежду на успех, поскольку явление мало изучено, а воспоминания очевидцев не заслуживают доверия. С другой стороны, были и плюсы. Если Конец Света случится, отчитываться будет не перед кем. А если всё обойдётся — значит, молодцы!

Герои принялись куролесить по планете и неплохо проводили время, влезая во всевозможные заварушки. Приключения случались странные, ведь и компания была непростая. Вы спросите, был ли у них план? Лишь отчасти. Зачем иметь осмысленную программу действий, когда само существование человечества потеряло всякий смысл.

Представлю героев читателю.

Максим Михайлов — экстрасенс, обладающий огромными способностями, только непонятно в какой области. Достоверно известно, что парню неестественно везло, что могло быть просто счастливой случайностью.

Ольга Меретова — по характеру и по сути ведьма. Но очень сильная... Хотя и дала женскую слабину по отношению к странному персонажу, каким-то чудом затесавшемуся в эту компанию: скульптору Андрею. Казалось бы, обычный человек, но появился в нужное время в правильном месте. А может быть, наоборот, зря подвернулся там, где не надо.

Вадим — экстрасенс и колдун. Был монахом, потом стал наёмным убийцей. Обычное дело.

София Берзон — самая загадочная участница проекта. Компьютерный гений, страдающая шизофренией и оттого видящая себя Богиней, окружённой ангелами и демонами. В дебрях своих галлюцинаций она запутала себя, автора и читателей.

В конце предыдущей книги автору окончательно изменила логика, поэтому он сделал несколько финалов, из которых следовало...

Вариант 1: Герои всё же умудрились связаться с небесами. Оказалось, что мироздание управлялось сложной системой, упакованной внутри множества миров, надетых друг на друга, как русские матрёшки. Появление великолепной четвёрки внесло разлад в стройную бюрократическую организацию как ангелов, так и демонов. Кого-то разозлило, других воодушевило, третьих подвигло бросить работу, чтобы понаблюдать, что получится в итоге. В общем, в управляющей компании возникли сбои, что привлекло внимание самого Творца. Всемиловитый оказался милостив, и всё обошлось. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

Вариант на второй взгляд: ничего не обошлось. Наоборот. Апокалипсис наступил еще злее (хотя куда уж...).

Вариант 3. София и вправду оказалась Богиней. Это давала автору возможность продолжить книгу, что он и сделал.

Пролог.

Часть 1

Таинственная экспедиция (I век от Рождества Христова)

Всё вокруг нас не то, чем кажется. Земля не плоская. Солнце — не огненный шар в небе. Даже когда уютно спим, мы не в покое, а вращаемся, кувыркаемся и мчимся вместе с планетой неведомо куда с невообразимой скоростью в четыре с половиной миллиона километров в час. И нас не качивает. Почти...

У каждого народа есть тысячи рассказов о чудесах, которые сыплются как из мешка, только тронь. Часть этих историй забраковали, оставив те, которым договорились верить. В разные эпохи вера кардинально менялась. Долгое время женщина не считалась человеком, а беременность возникала от простуды. И это всех устраивало.

Так что мы живём в «договорной» реальности, оформленной в виде свода наук, морали и правил. Одним из параграфов такого соглашения является «историческая правда».

События, о которых пойдёт речь ниже, случились две тысячи лет назад, и если кто-либо из участников остался жив, то он давно умер. Тогда Средиземное море называлось Римским озером, что с бесхитростной прямоотой говорило о необъятной мощи Великой империи. Это у крохотных стран лужа попадает в разряд «великих водоёмов». А у больших — океан кажется прудом.

Редкое повествование начинается со своего начала. Истоки реки всегда сокрыты в мелких ручейках. Только рассказчику ведомо, в каком месте слабый поток стал в его глазах полноводной рекой и когда невзрачное сделалось достойным описанием.

Наша история тронулась вместе с кораблём, поспешно отплывшим из порта Яффы в 69 году от Рождества Христова.

На борту вместе со взрослыми с неизвестной миссией были отправлены два десятка детей. Среди которых оказался Марк. Он весьма радовался тому, что бегаёт по палубе, вместо того чтобы шляться по улицам бродячей собакой и изводить приёмных родителей.

Суровый папа Яков и его ворчливая жена Эсфирь утверждали, что только за грехи достался им этот оболтус. Наверное, попали они к Господу в чёрный список — сразу после прелюбодеев. Расставание прошло без горьких слёз и надежды на новую встречу. «Начинаешь жизнь заново. Не бери в дорогу свои обиды. Когда нас уже не будет, помняи хоть разок в сердце своём», — напутствовала Эсфирь.

Парню исполнилось девять лет, и он считался мужчиной. Через четыре года сможет взять жену. Легендарный царь Соломон тоже начинал с первой женщины, но потом, говорят, вошёл во вкус.

Быть взрослым непросто. Огромное количество вопросов не имело ответов, правда и кривда спутаны, как рыболовные сети. Мир кишел загадками. И главная тайна была в цели их путешествия. Иногда он думал, что, сумеи выведасть, для чего и куда они плывут, всё встало бы на свои места. Пока же он мог лишь надеяться, что планы капитана Елисея не предусматривали утопить спутников.

На корабле всё не так, как на суше. Ночи темнее, вода мокрее. Ветер могуч, а кусок тверди под ногами скачет взбесившимся конём.

Море было живым и обладало нервным характером, хуже, чем у папы Якова. Даже при хорошей погоде оно волновалось. А уж стоило чему-то не заладиться, принималось бушевать и гроыхать благим матом. Оно ощущало корабль, как пёс чувствует блоху, пробирающуюся по коже. Встряхивалось, дёргалось, кусалось.

Крысы, жившие на борту, страдали. Люди терпели.

В первый день дети восторженно носились по палубе, становились на голову и визжали от счастья. Восторг пе-

реполнял. Никто из них никогда не видел такой огромной подрагивающей глади воды, прозрачной, заполненной солнечными бликами, выводками рыб, водорослями. Потрясающе! Колоссально! Невероятно!

Но вскоре радость потухла. Мир вокруг лениво раскачивался, горизонт поднимался то одним, то другим краем. Скучная еда болталась в желудках вместе с кораблём, нутро выворачивало наизнанку.

Через пару мучительных дней они освоились. Выяснилось, что человек способен жить даже на качелях очень долго, пока не помрёт.

Дети делились на две категории. В первую входила «малышня» — крепыши чёрных и рыжих мастей, без видимых гендерных различий, в возрасте пяти-шести лет. Их нестриженные волосы свалились комьями разноцветной шерсти. Лица лоснились от пота. Вторую, малочисленную группу составляли «уже большие».

Среди старших выделялся Наум, задиристый, подвижный парень с короткими кучерявыми волосами и лицом, где металась беспокойная злость. Раньше он жил в Иерусалаиме, водил дружбу с базарными ворами, чем страшно гордился.

Паренёк не был рослым, как Марк, но в нем чувствовалась мощная притягательность. Дети беспрекословно ему подчинялись, несмотря на смутное понимание, что неминуемо будут вовлечены в неприятности.

Очень скоро Наум утвердил своё главенствующее положение.

Раздал тычки младшим, предъявил острый, как бритва, нож старшим и принялся командовать. Марка не трогал, лишь дурашливо улыбался уголками приподнятых губ, но было понятно, что не стоит истолковывать эту ухмылку как знак дружелюбия.

Вскоре стычка всё же произошла.

— Эй, Марк, — беззлобно бросил Наум. — Это мать нарядила тебя в дорогу в такие тряпки? Круто!

Кто-то преданно хихикнул, дожидаясь реакции.